

Она думала об этом больше тысячи лет, тосковала больше тысячи лет. Зачем она мучила себя?

Юнь Нянь стиснула зубы и резким движением швырнула нефритовую подвеску. Когда почти полностью почерневшая подвеска была на грани падения, её глаза дрогнули, и она едва сдержала порыв подхватить её. В последний момент Чу Ли успел поймать подвеску. Холод, исходящий от этого предмета, был не слабее, чем температура его руки. За тысячу лет духовная энергия в подвеске полностью истощилась.

— Что это?

— Это подарок от Цзяна. Если не верите, позовите Цзян Циня, и он подтвердит это, — Юнь Нянь смотрела на подвеску, каждое её слово было пропитано болью. — Все эти годы я хотела спросить его, почему он обещал мне, а потом бросил? Зачем он обманул меня?

Чу Ли почувствовал тревогу. Сун Юнь, казалось, не лгала. Неужели они действительно привели в Подземный мир любовницу старшего брата? Это было непростое дело!

— Отведите её в камеру. Мы решим её судьбу, когда Цинь Гуан вернётся.

Служители Подземного мира, стоявшие у входа, выполнили приказ и сковали Юнь Нянь цепями, не проявляя ни капли жалости. Юнь Нянь, шатаясь, шла за ними, её взгляд бессознательно блуждал по всему, что её окружало. В её рассеянном сознании снова возник образ Цзяна, как в их первую встречу: в чёрной одежде, с распущенными волосами, величественный и прекрасный. Одного взгляда было достаточно, чтобы её щёки вспыхнули румянцем.

Когда Юнь Нянь исчезла за дверью зала, в величественном и тихом помещении на мгновение воцарилась тишина, а затем всё взорвалось. Присяжные, сидевшие или стоявшие по обе стороны зала, бросились к столу на несколько ступеней выше, их горящие взгляды снова и снова изучали маленькую подвеску, не упуская ни одной детали, которая могла бы скрывать разгадку.

Чу Ли с серьёзным видом ударил по столу, заставив всех замолчать и посмотреть на него. Затем он ухмыльнулся и закричал:

— Делаем ставки! Ставки! Кто думает, что наш старший брат — подлец?

Присяжные задумались на мгновение, а затем с готовностью начали делать ставки. Что тут было сомневаться? Цзян, этот улыбчивый тигр, точно был подлецом! Но тут Янь-Пирожок внезапно поднял руку.

— На суде запрещено делать ставки! Какой порядок!

Янь-Пирожок выглядел очень серьёзно, но его круглое детское лицо с таким выражением выглядело скорее мило, чем строго. Чу Ли ущипнул его за щёку, улыбаясь.

— Не мешай, малыш! Хочешь спросить о ставках, но стесняешься, какой ты милый!

Янь-Пирожок покраснел и сердито оттолкнул руку Чу Ли, глядя на него с гневом.

— Ты наглец!

— Хе-хе... — Чу Ли равнодушно потер руку. — Минимальная ставка — год службы и месячный

паёк. Максимум не ограничен! Ставки на то, что он подлец, — один к трём. Ставки на то, что он не подлец, — один к десяти!

— Он подлец! Десять лет службы!

Это был Дун, владыка седьмого зала — Тайшань.

— Он подлец, три года службы.

Это был Люй, всегда осторожный владыка четвёртого зала — Угуань.

Янь-Пирожок злобно посмотрел на Чу Ли, но ничего не сказал, просто быстро сделал ставку на «подлец», показав пять пальцев — пять лет.

Когда последние несколько наблюдателей, пришедших посмотреть на азарт, сделали свои ставки, Чу Ли был ошеломлён. Эти обжоры не хотели ставить паёк, но все поставили на одну сторону. Как тут быть?

Шэнь Цин, спокойно наблюдавший за всем, подошёл вперёд.

— Ставлю на «не подлец», десять дней бесплатных обедов.

Бай Сюйяо, прислонившись к Шэнь Цину, добавил:

— Иду за своим красавцем, десять лет службы.

Цуй Юй поправил очки.

— То же самое, десять лет службы, ставлю на «не подлец».

— Э-э...

Цуй Юй был известен своим умом в Подземном мире. Он даже не моргнул, ставя на «не подлец». Что теперь делать? Люй У губами пошевелил, но Чу Ли быстро остановил его.

— Ставки сделаны, их нельзя менять. Кхм-кхм, теперь моя очередь. Ставлю на «не подлец», десять лет службы.

— Подлец!

— Чу Эр, ты снова устроил беспорядок в зале!

Этот низкий, строгий голос прозвучал как гром среди ясного неба, заставив всех в зале замолчать и обернуться к входу. Чу Ли, как виновный, поднял руки, изображая невинность. Но когда он увидел, кто вошёл, выражение его лица стало забавным, смесь удивления и насмешки.

Сун Юй дёрнул Цзян Циня за рукав и прошептал ему на ухо:

— Их взгляды странные... И они совсем не боятся тебя...

Цзян Цинь стоял в центре зала, бегло осматривая собравшихся.

— Люй У, Тайшань и Янь-Пирожок, почему вы не в своих залах, а здесь?

— Ты можешь развлекаться в мире людей, а нам нельзя поболтать?

Чу Ли подмигнул Цзян Циню, его взгляд был полон намёков, что заставило Цзяна почувствовать себя неловко. Сун Юй, услышав это, невольно шагнул за Цзяна, его лицо покраснело. Он недоумевал, как они, не бывшие в мире людей, знали о его отношениях с Цзян Цинем.

Стоявшие наверху Шэнь Цин и Цуй Юй, зная немного больше, не упустили мгновенного замешательства Цзяна и уклончивости Сун Юя. Что касается остальных владык и служителей, интересовавшихся только ставками, они восприняли реакцию Цзяна как вину, радуясь, что, похоже, не ошиблись в своих ставках.

Под таким пристальным взглядом Цзян Цинь не смог сохранять серьёзное выражение. Он поднялся по ступеням и вместе с Сун Юем подошёл к столу, бегло взглянув на записи суда.

— Вы только что судили, каков результат?

Это было лишь отвлечение внимания, поэтому он не стал вникать в детали.

— Судили дело Юнь Нянь, пока не вынесли приговор, ждали твоего возвращения.

Чу Ли поднял записи и показал их.

Юнь Нянь? Связав это с недавними событиями в городе S, Цзян Цинь догадался.

— Так это она. Если всё ясно, вынесите приговор. Зачем ждать меня? Её преступления — это причинение вреда и убийство, это должно быть в твоём ведении. Разве она совершила что-то ещё?

— Ха-ха, старший брат, узнаёшь это?

Чу Ли бросил чёрную подвеску на стол, иероглиф «Сун» оказался сверху, попав в поле зрения Цзяна. Цзян Цинь замер. Как это здесь оказалось? Чу Ли, увидев его замешательство, внутренне усмехнулся и добавил:

— Это подарок от мужа Юнь Нянь.

Сун Юй, всё это время смотревший на подвеску, нахмурился. Он не мог быть уверен, что это та самая подвеска, но, услышав о «подарке от мужа», он резко выскочил из-за спины Цзяна, схватил подвеску и внимательно её рассмотрел. Затем он сурово посмотрел на Цзяна.

— Это та подвеска, которую я тебе подарил? Я никогда не видел, чтобы ты её носил. Оказывается, ты подарил её другой женщине. Цзян Цинь... Ну ты даёшь!

Цзян Цинь был в замешательстве. Он инстинктивно схватил руку Сун Юя, боясь, что тот снова убежит.

— Не слушай их, я носил эту подвеску, но потерял её и, боясь, что ты рассердишься, не сказал тебе.

Цзян Цинь сухо объяснил, и в его голосе явно слышалась нервозность. Сун Юй смотрел на него, не говоря ни слова, словно решая, верить ли ему.

Окружающие наблюдали за этим сюжетом, полным неожиданных поворотов. Их взгляды переходили от Цзяна к Сун Юю и обратно, и, увидев, как они держатся за руки, не замечая этого, они не могли сдерживать улыбок. Владыка первого зала и владыка третьего зала,

оказывается, держатся за руки прямо у них на глазах. Это было... Они проиграли!

— Кхм-кхм...

Нарушающие атмосферу кашли раздались один за другим. Сун Юй очнулся и поспешно отдернул руку, сердито посмотрев на Цзяна. Цзян Цинь спокойно поправил одежду и холодно сказал:

— Давайте закончим с этим.

— Лучше сам посмотри, нам нужно время, чтобы прийти в себя.

Чу Ли бросил записи суда Цзян Циню и, обессиленный, опустился на стул. Ещё раз взглянув на Цзяна и Сун Юя, которые вместе изучали записи, он с горечью покачал головой, подперев голову рукой.

[Перевод авторских комментариев, примечаний отсутствует]

<http://bllate.org/book/16244/1460760>